Андрей Алексеевич Аствацатуров – филолог, преподаватель, литературовед, писатель, внук известного лингвиста В.М. Жирмунского, выпустил свой четвертый по счету роман «Не кормите и не трогайте пеликанов» во второй половине апреля. Каждое из его предыдущих произведений вызывало положительные отклики как у обычных читателей, так и у представителей мира литературы. Романы несколько раз номинировались на различные премии («Большая книга», «Национальный бестселлер», «Новая словесность»), однако дальше шорт-листа не продвинулись. Кажется, эту книгу постигнет та же участь, что справедливо – давать награду Аствацатурову не за что. Тем более что у многих читателей отбить желание взяться за книгу может первая же страница, где в посвящении фигурирует имя Михаила Елизарова.

Герой Аствацатурова, как и в предыдущих произведениях, это, как я понимаю, альтер эго писателя: ему 35, он одинок (у самого Андрея Алексеевича есть жена и ему 50), но вечно с кем-то – с друзьями-раздолбаями, прожигателями жизни, любовницами. Главное его «достоинство» – то, что герой гордо носит на себе клеймо неудачника. По этому поводу в своей рецензии на первый роман писателя высказалась Галина Юзефович: «Этот очкастый интеллектуал-лузер, вечная жертва уличной шпаны, смешной, безденежный и жалкий, вызывает в читателе не только и не столько сострадание, сколько искреннюю симпатию. Именно этот недотепистый типаж исключительно актуален для нашего времени: сегодня, когда неудачником быть стыдно, он словно бы постулирует право человека на неудачи. Во времена всеобщего принудительного счастья – отстаивает свободу грустить и злиться. И эта жизненная позиция, помноженная на выдающийся, едва ли не довлатовского уровня авторский юмор, заставляет взглянуть на бинарную структуру «успех – провал» под иным углом и увидеть между этими двумя полюсами множество разнообразных оттенков».

Уверен, что примерно в таком же духе Галина Леонидовна напишет и о новой книге Аствацатурова. Правда, имеется несколько поправок к ее отзыву. Главный герой может вызывать сострадание вплоть до того момента, пока читатель не поймет, что все неудачи, сыплющиеся на голову персонажа – не злой рок, а его собственных рук дело. Плюс не очень хорошо сказываются на тексте бесконечные попытки драматизировать бытовые вещи, происходящие с каждым вторым. Из-за всего этого герой может вызвать у читателя только неприязнь.

Второй момент, с которым хочется поспорить, – право на неудачи и всеобщее принудительное

счастье. Честно говоря, до сих пор не могу понять, почему Юзефович считает, что люди у нас активно насаждают только право быть счастливыми, отвергая свободу на грусть и злость. Галине Леонидовне стоит проехаться в восемь утра либо в шесть вечера в любом виде общественного транспорта, где она в полной мере сможет насладиться угрюмыми лицами, источающими такую злость, которая герою Аствацатурова и не снилась. Насчет юмора довлатовского уровня могу согласиться лишь отчасти – он очень хорошо проявлялся в предыдущей книге писателя «Осень в карманах». Но, видимо, за четыре года, что писалось новое произведение, этот вид юмора автору наскучил, поэтому он обратился к виду шуток, над которыми посмеются разве что дети. Например: «...он тут же осаживал наглеца глубоким сочувственным вздохом и «...» присказкой, которая казалась мне смешной: “Ну все, приплыли – колобок за лобок”»; «Топоров наклонился «...» и произнес: “Профессор Рейсер/Пердит как крейсер”».

И все в таком духе. Ни намека на довлатовский юмор, ни на юмор какой-либо вообще. А если вы думаете, что я выбрал две самые неудачные шутки, то попробуйте их там поискать сами. Лично я нигде больше мест для смеха в романе не нашел...

О сюжете долго говорить не буду, здесь все предельно ясно, несмотря на рваное повествование. Оно, по словам автора, должно заставить читателя некоторые моменты додумать самому. Как художественный прием такой способ развития действия использован Аствацатуровым очень даже неплохо и интересно, что является одним из немногих достоинств книги.

Его герой неожиданно оказывается в Лондоне, куда он в срочном порядке прилетел по просьбе своей любовницы Кати. Как выясняется, она замешана в неких бандитских разборках, связанных с ее убитым продюсером и его деньгами, которые Катя отдавать не хочет. Смазанные описания нелепых погонь и конспирации приправлены совершенно деревянными диалогами, годными только на то, чтобы охарактеризовать этих персонажей. Еще одно достоинство этого романа – каждое действующее лицо прописано автором настолько живо и ярко, что читатель действительно верит ему. Не Достоевский с Толстым, конечно, но все же.

Увы, на этом достоинства заканчиваются. Мне не нравится то, что практически ни один из персонажей не вызывает никаких положительных эмоций. Это примета времени или личный настрой самого автора? Предполагаю, что второе. Такой вывод я делаю из мыслей главного героя, который с удовольствием рассказывает о пороках каждого человека в своем окружении. Даже теплые воспоминания о старом профессоре философии, на первый взгляд, трактующиеся как дань памяти и уважения этому человеку, перечеркиваются саркастичным рассказом о его смерти. Дело в том, что он умер в комнате проститутки, даже, можно сказать, на ней. А следующие размышления главного героя отлично показывают его восприятие людей вокруг: «Друзья обожают нас, когда мы по уши в дерьме, в проблемах, в долгах. И тотчас же, как отважные бурундуки Чип и Дейл, спешат на помощь. И чем больше у нас проблем, чем больше дерьма, тем выше у родных и близких градус доброжелательности».

Из таких фраз, из сюжета, из отношения героя к происходящему, можно сделать вывод, что его моральные ценности шаткие или текучие. По большей части Андрей поступает ни хорошо, ни плохо, иногда впадая в крайности. Например, какой-то благородный порыв толкает пойти его

против университетской системы, защищая старую преподавательницу, которую хотят уволить ни за что. И слишком резко он разговаривает с бывшим соперником, уведшим у него девушку, а ныне инвалидом. Поэтому такие резкие переходы от одного к другому затрудняют нам поиск ответа на вопрос о моральных ценностях героя. На мой взгляд, это просто случайный набор, как и его, собственно, существование.

Сам же автор относится к своему герою так же, как тот к своей жизни, – безразлично и снисходительно. Он не говорит о нем ни хорошо ни плохо, описание больше кажется равнодушным, но в то же время в нем есть доля участия. Он ценит в нем то право на неудачи, о котором мы уже сказали. Думаю, только это и факт того, что герой является альтер эго писателя, связывают этих двух человек.

Отношения Кати и главного героя имеют странный, абьюзивный характер, где главной жертвой, конечно, является 35-летний Андрей Алексеевич. В первую же прогулку по Лондону девушка заявляет ему, что день назад переспала с его лучшим другом. А до этого еще с несколькими мужчинами, количество которых явно больше, чем пальцев у героя. И вместо того чтобы поступить по-мужски, герой терпеливо сносит эти удары судьбы, не покидая свою возлюбленную, а всячески помогая ей решать неприятности. Плюс ко всему терпит унижения с ее стороны, извинения за которые она приносит в привычной ей форме – своим телом в номере гостиницы. Да и если проанализировать мысли и чувства Андрея, то никакой любви он не испытывает, хоть утверждает обратное. Достаточно взять фрагменты, где он вспоминает Екатерину, а вспоминает он, по большей части, либо ее «красивое и упругое тело», особенно грудь, либо ее «уродливые, ампутированные слова». Или вот еще одно показательное описание: «Губы похожи на Катины – так же вывернуты наизнанку и как будто приклеены к лицу. Только настоящие».

Надо сказать, что в некоторых местах от живописаний Аствацатурова у читателя не только встанут дыбом волосы на голове, но и мозг из ушей вытечет. Например, неясно, что автор хотел донести следующей фразой: «Крошечный острый носик, зажатый с двух сторон толстыми щеками, словно синичкин клювик высунулся из мартышкиной попки».

Как автору в голову пришло такое сравнение – неизвестно. У читателя, пытающегося себе вообразить такой «носик», это вряд ли получится. У меня вот не вышло. Как не вышло представить человека, напоминающего «беременного переломанного кузнечика». И еще одна фраза, добившая меня, как и предыдущие, взята из второй половины книги, где герой безуспешно пытается устроиться на работу, «разлагаясь» в собственной квартире: «...спустился вниз в алкогольный ларек, купил две бутылки крепкого пива, потом долго пил эту едкую мочу, курил, думал, как вокруг все дерьмово».

Во-первых, фраза больше напоминает запись из дневника обиженной школьницы, у которой проблемы с учебой, да еще и подружка предала, да и мальчики внимания... Второе, что бросается в глаза, – выражение «едкую мочу», наталкивающее на следующие мысли: либо автор пишет со знанием дела и действительно знает, какова моча на вкус, либо, не подумав, вставил эти слова, что больше похоже на правду. Ему бы стоило поучиться у классика описаний алкогольных напитков – Венички Ерофеева.

Вообще, в этом тексте смутили меня и другие описания, но о них скажу ниже, поскольку ха-

рактер их разный. Для начала закончим с этими и закончим следующим фактом. Аствацатуров не только преподает в университете и читает лекции, а еще и ведет так называемую литературную мастерскую, где учит людей ремеслу писателя. Вот что написано в группе этого семинара «В контакте»: «Авторская программа Андрея Аствацатурова и Дмитрия Орехова построена на тех же принципах, что и столь популярные курсы писательского мастерства при американских университетах. На Западе подобные семинары обычно посещают как мечтающие о писательской карьере, так и те, кто просто хочет научиться внятно излагать свои мысли на бумаге. В России, где больше привыкли полагаться на категории «таланта» и «вдохновения», данный курс практически не имеет аналогов. Прослушав его, вы поймете, что в литературе действуют такие же строгие законы, как в музыке и архитектуре. Творчество писателя – это не мистические озарения, а работа, в основе которой лежат конкретные навыки и приемы мастерства, которым можно и нужно учиться...»

Вопрос: чему Андрей Алексеевич будет учить людей на этих курсах, если у него самого не самый богатый литературный язык, довольно скудные описания, деревянные диалоги и так далее? Однако Аствацатуров считает, что писателем может быть каждый, а талант ничего не решает, в чем глубоко заблуждается и вряд ли из этих заблуждений сможет выбраться.

Что касается описаний жизни Петербурга, людей на улицах, общественного транспорта – все это окончательно доказывает, что автор не знает тот предмет, о котором пишет так обстоятельно, уделяя размышлениям об этом не одну и даже не две страницы. Однако писатель зря кичится своим происхождением, неоднократно подчеркивая тот факт, что он коренной петербуржец. В происхождении Аствацатурова сомневаться не приходится, но это петербургское происхождение нужно оправдывать хотя бы со знанием реалий родного города. Например, Аствацатуров пишет: «Я вообще плохо понимаю, как тут люди живут в центре. Где, к примеру, они берут сигареты и продукты? Тут же поблизости ни одного магазина. Ни одного! Зато на окраинах их столько, что не знаешь, в какой пойти – стоишь и мучаешься выбором. Это, видно, все потому, что продуктовые магазины противопоказаны историческому центру. Исторический центр желает всегда оставаться прежним, а в магазинах, особенно в продуктовых, все время что-то меняется: вывески, витрины, ассортимент, продавцы, охранники. Здесь царит невозможная для центра суета: сюда привозят продукты питания, товары, их покупают, уносят, через какое-то время подвозят другие».

Как человек, который провел в Санкт-Петербурге всего три месяца и жил как раз в том самом историческом центре, могу охотно поспорить с Андреем Алексеевичем. Конечно, историческая часть города, безусловно, большая – где-то магазинов больше, где-то меньше, но они все-таки есть. Взять, например, Невский проспект. Стоит свернуть с него на Владимирский, Литейный или хотя бы на Лиговский, как через три минуты неспешного шага непременно наткнешься на популярные сети супермаркетов вроде «Дикси» или «Пятерочки». А сколько круглосуточных продуктовых магазинов находится в центре – не счесть. Можно предположить, что автор редко посещает эту часть города, что сомнительно. Но если уж претендуешь на звание коренного петербуржца, если взялся писать роман о сегодняшнем дне – нужно изучить материал.

Тема общественного транспорта сильно заде-

вает Аствацатурова, который, как мне кажется, им давно не пользуется, имея личный автомобиль. Из-за попытки написать о том, что он когда-то знал, доверие к автору падает, окончательно убеждая читателя, что вся книга – просто странная фантазия, достоверность которой Андрей Алексеевич не удосужился проверить. Приведу последний пример – сравнительное описание различных видов транспорта: «Посудите сами... Вот залез ты, скажем, в маршрутку. И слово-то какое – «залез»! Слышите? В автобус, троллейбус, трамвай петербуржцы самым пристойным манером заходят. Заходят, не задерживаясь, не препятствуя закрытию дверей «...» В метро «спускаются» «...» А в эту самую маршрутку именно что «залезают».

Так вот, залез ты в маршрутку, и сразу – с порога, с подножки – никакой тебе навстречу европейской благовоспитанности, никакой приватности, никаких гражданских прав, никакого уважения. Стоишь ли ты теперь, согнувшись по-холопски в три погибели, подпирая спиной потолок, сидишь ли, уткнувшись в телефон или книгу «...» тебя обязательно со всех сторон будут толкать, пинать, задевать руками, одеждой, сумками, пакетами, всем, что только случится».

Сразу видно, что на указанном транспорте человек явно передвигается крайне редко, поскольку в таком людном городе, как Санкт-Петербург, где в любое время года полно туристов, большую часть времени человеку приходится не благопристойно и гордо трястись в метро или еще где-нибудь, а именно что «по-холопски», как пишет Аствацатуров, передвигаться из точки А в точку Б.

Подводя итог всему сказанному, могу сделать только один вывод, а точнее, выдвинуть автору единственное пожелание: пускай каждый занимается тем, что у него лучше всего получается. У Андрея Алексеевича прекрасно выходит читать лекции по зарубежной литературе, писать интересные научные работы. На его пары приходят, по словам очевидцев, студенты не только со всего филологического факультета, но даже с других вузов. Пусть этим Аствацатуров и занимается. Для писательства же нужен особый творческий и человеческий дар, те качества, которые неоднократно называли Н. Гоголь, Ф. Достоевский, И. Ильин, Л. Бородин... ■